

С Эльбруса тянуло замороженными фиалками; вокруг грязелечебницы имени Семашко цвели каштаны; шедшие навстречу женщины, освобожденные от домашних забот, несли в руках цветы, как это и положено женщинам.

В общем, жизнь была прекрасна. До полного счастья не хватало услышать голоса родных. Виктор Степанович подошел к телефону и почти тотчас же услышал голос сына.

— Да...

— Привет, сынок! Как дела?

— А... Это ты... Привет, старик... Какое давление?

— Сто сорок на девяносто.

— Терпимо.

— Конечно! — нехорошее предчувствие сжало сердце Погребенникова. — Так как дела?

— А пульс? — продолжал сын беспокоиться о здоровье отца.

— В норме... Хватанул двойку? — сделал Виктор Степанович первое предположение. — Две грабанул? Только честно. Я выдержу. Сейчас я в форме.

— Четыре... Две по английскому, две по географии.

Виктор Степанович вышел из кабинки. Каштаны возле грязелечебницы имени Семашко были чахлыми и пыльными. Женщины выглядели озабоченными и несли цветы так, как будто это были тяжелые сумки.

Утром врач измерила давление, пощупала пульс и хмуро покачала головой.

— Меньше думайте, больше гуляйте и дышите.

Погребенников едва смог дожждаться вечера. Но квартира не отвечала. Жена на работе — это понятно, но куда девался сын? Виктор Степанович кругами ходил вокруг будки, словно прикованный цепью. Пять часов — никого нет. Шесть. Семь.

Пришлось пропустить ужин.

Наконец в семь тридцать четыре квартира отозвалась.

— Да, — послышался в трубке усталый голос сына. — А, это ты, старик. Здравствуй...

— Ты где был? — сказал Погребенников раздраженно. — Звоню три часа. Из-за тебя пропустил ужин! Небось мотался на речку!

— Не будем, старик, зря терять время, все равно ведь нельзя проверить. Это была истинная правда.

— Как дела? — спросил Погребенников-старший. — Исправил хоть одну?

— Тебе можно волноваться?

— Опять?

— Да... По истории...

— Как же ты можешь? Даже по истории! Значит, ты просто-напросто не выучил. Если «два» по истории, значит, не выучил!

— Ну, не выучил...

— А что говорит мама?

— Мама говорит, что сказывается твое отсутствие. Старик, приедешь — разберешься.

Сын положил трубку. Он был экономным человеком.

(По Ю. Дубровину)